

Письмо двадцатилетней разлуки.

(Воспоминанія участника).

Нѣтъ связей между людьми, не соединенными родствомъ кровнымъ, прочнѣе, чѣмъ связи юношескія. Юность все обвѣваетъ духомъ присущаго ей идеализма: отражается онъ и на взаимныхъ отношеніяхъ юношей, особенно—когда эти отношенія завязываются и поддерживаются въ сферѣ чистой, какова наприм. товарищеская сфера учащихся въ одной и той-же школѣ. Быть можетъ, современнымъ школамъ и современнымъ товарищамъ невѣдомъ чистый ароматъ этихъ отношеній, но его хорошо знаютъ и цѣнятъ люди, кончившіе образованіе 15—20 лѣтъ тому назадъ.

Какъ жалко, поэтому, что товарищескія связи мало у насъ поддерживаются и большинство изъ кончающихъ вмѣстѣ курсъ школы, несмотря на горячіе обѣты, даваемые при прощаніи—поддерживать отношенія, на самомъ дѣлѣ обыкновенно послѣдній разъ обнимаютъ другъ друга. Тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать исключенія, когда товарищескій кружокъ людей, у которыхъ когда-то было столько общихъ интересовъ, которые составляли въ періодъ золотой юности одну дружную семью, снова сходится вмѣстѣ, воскрешая въ памяти милое прошлое.

Таковъ былъ съѣздъ товарищей, окончившихъ въ 1886 г. Ярославскую духовную семинарію, происходившій 10—11 іюля 1906 года, т. е. ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ окончанія курса.

Мѣстомъ съѣзда былъ, конечно, Ярославль. Гнѣздомъ, собравшимъ разбѣянныхъ птенцовъ своихъ, была сама семинарія, храмъ, столовая и спальня которой были любезно предоставлены семинарскимъ начальствомъ, съ разрѣшенія архіепископа Іакова (нынѣ Симбирскаго) въ распоряженіе собравшихся.

Сговориться и списаться о времени съѣзда, о томъ, какъ лучше использовать его короткій срокъ, было нелегко: нужно было не разъ снестись съ Петербургомъ, а изъ него—съ Москвой, Вильной, Рязанью, Гельсингфорсомъ, Гомелемъ, не говоря уже о многихъ градахъ и весяхъ Ярославской губерніи*). Хотѣлось

*) Этотъ нелегкій, но почтенный трудъ взялъ на себя и съ честію выполнилъ свящ. П. И. Федоровскій, при помощи свящ. М. Е. Малиновскаго. Съ иногородними списывался прот. Лахостскій.

оповѣстить всѣхъ оставшихся въ живыхъ товарищей и бывшихъ учителей курса. Но сильное желаніе свидѣться побѣдило всѣ препятствія. Все, что было необходимо выяснить, установлено, сношенія, съ кѣмъ слѣдуетъ, сдѣланы, день съѣзда назначенъ.

Съ трепетнымъ сердцемъ пишушія эти строки переѣзжалъ 9 іюля въ Рыбинскѣ съ Петербургскаго вокзала на пароходъ и заранѣе предвкушалъ удовольствіе на пароходѣ же встрѣтить кого-нибудь изъ товарищей и не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Едва отвалилъ пароходъ отъ берега и поплылъ внизъ по родной великой рѣкѣ, какъ чрезъ открытое окно каюты мелькнула какъ будто знакомая фигура проходящаго по трапу пассажира. Двадцать лѣтъ разлуки (мы видѣлись одинъ только разъ, вскорѣ послѣ окончанія курса, мелькомъ) наложили свою печать на насъ обоихъ. Я оказался памятьвѣе, да и узнать меня было труднѣе: я въ рясѣ, а «тотъ» человекъ свѣтскій,—въ костюмѣ, мало отличающемся отъ семинарскаго. Однако, вмѣсто того, чтобы сразу-же «отрекомендоваться», я рѣшилъ произвести нѣкоторое испытаніе своему товарищу. Дважды прошелъ я по галлерей, огибающей пароходъ, ему навстрѣчу, видѣлъ его пристальный взглядъ, на меня устремленный, но при третьей встрѣчѣ уже не утерпѣлъ и обратился къ нему съ просьбой, въ былые дни часто къ нему направлявшейся: «Дмитрій, переводи вновь по-латыни!» и сразу-же послѣ этихъ словъ былъ узнавъ и привѣтствованъ. На слѣдующихъ до Ярославля пристаняхъ къ намъ присоединились еще двое товарищей, и мы провели время въ пріятныхъ разговорахъ.

Изъ 48 человекъ, кончившихъ курсъ Ярославской семинаріи въ 1886 г., 6 уже умерли. Изъ 42-хъ, оставшихся въ живыхъ, пріѣхали 28 и почти всѣ (14) не явившіеся прислали собравшимся свои привѣтствія, соединенныя съ сожалѣніемъ, что не могутъ принять участіе въ товарищескомъ свиданіи; нѣкоторые «досадовали» на обстоятельства, помѣшавшія быть имъ на этомъ «спраздникѣ юности». Сердечное привѣтствіе получено и отъ Московскаго священника А. И. Разумихина, бывшаго преподавателя. Почти всѣ съѣхавшіеся помѣстились въ первомъ семинарскомъ общежитіи. Милыя сцены, какія происходили при встрѣчѣ каждаго, вновь прибывающаго, описать невозможно. За двадцать лѣтъ нѣкоторые такъ измѣнились, что узнать ихъ сразу было трудно. На иныхъ невзгоды жизни наложили свою печать и головы ихъ подернулись густымъ серебристымъ инеемъ. Правда, между ними двое стали уже «дѣдушками»: это наноминало о

большомъ періодѣ разлуки, хотя и быстро промелькнувшемъ, и нѣсколько умѣряло то естественное чувство состраданія, какое являлось при первомъ взглядѣ на сѣдину тѣхъ, кого живо помнилъ молодымъ, сильнымъ, цвѣтущимъ.

Къ 6 час. вечера 10 іюля собралось уже 16 человекъ. И при такомъ количествѣ собравшихся съѣздъ можно было бы считать удавшимся, но сердце подсказывало, что вечерніе поѣзда желѣзныхъ дорогъ и пароходы примчатъ еще тѣхъ, у кого не заглохло товарищеское чувство. И дѣйствительно, во время всенощной, которую совершалъ въ семинарскомъ храмѣ протоіерей Д. В. Троицкій, а пѣли всѣ собравшіеся, подъ руководствомъ Н. А. Селецкого, съ клироса можно было наблюдать, какъ притренично входили въ храмъ только что прибывшіе, какіе испытующіе взгляды бросали они на клиросъ, на которомъ стояли близкіе люди, своими взорами взаимно вѣщавшіе радость объ ихъ прибытіи. Такихъ «новыхъ богомольцевъ» этой всенощной оказалось 8 (еще четверо пріѣхали уже утромъ 11-го), да къ нимъ присоединились два бывшіе (увы, теперь уже почившіе!) воспитатели нашего курса: протоіерей Н. М. Астровъ и А. М. Сменцевскій.

Послѣ всенощной—привѣтствія вновь прибывшихъ, затѣмъ «шумный» чай въ столовой общегитія и «ночлегъ» въ общей для всѣхъ спальнѣ. Ночлегъ былъ, ибо всѣ, хоть поздно, легли на кровати, но безъ «отхода ко сну». Уснуть было невозможно, да, кажется, никому и не хотѣлось. Рѣчь лилась рѣкою изъ устъ всѣхъ собравшихся и лишь замолкалъ смѣхъ, вызванный какой-нибудь воспроизведенной проказой, или стихали вздохи отъ воспоминаній о той или другой утратѣ—въ одномъ мѣстѣ, какъ начинались разговоры—въ другомъ, и такъ до 6 ч. утра. Лишь къ этому времени нѣкоторые забылись, а имѣвшіе совершать Божественную литургію отправились въ церковь—читать правило. Читалъ одинъ (о. А. Д. Невскій), а остальные слушали и молились. Около 9 ч. утра 11 іюля прибыли въ храмъ приглашенные накануне для служенія о. Н. А. Крутиковъ, бывший учитель курса, а нынѣ каедральный протоіерей, и о. протодіаконъ П. Л. Ракобольскій. Предъ литургіей, совершенной о. Н. А. Крутиковымъ въ сослуженіи протоіереевъ: П. Н. Лахостскаго и Д. В. Троицкаго и священниковъ: А. Д. Невскаго и Г. С. Розова, была отслужена паннихида по почившимъ начальникамъ, наставникамъ и товарищамъ курса, образовавшимъ длинный рядъ именъ. Предъ

паннихидой прот. Лахостскій произнесъ слѣдующее, воспроизводимое приблизительно, слово въ память почившихъ.

Слово предъ паннихидой.

дорогіе друзья!

Двадцать лѣтъ протекло съ того грустнаго, но неизбѣжнаго дня, какъ для большинства изъ насъ прервалось наше видимое непосредственное общеніе. Но духовное общеніе наше, незримое для глазъ, но переживаемое въ сердцахъ, очевидно, не прекращалось, чему свидѣтельствомъ служитъ настоящее наше собраніе, на которое съ разныхъ концовъ Россіи стеклось большинство здравствующихъ изъ насъ. Этотъ духъ взаимной любви другъ къ другу и общей нашей признательности къ воспитавшей насъ семинаріи внѣдрили въ насъ, конечно, наши бывшіе добрые начальники и наставники. Многіе изъ нихъ отошли уже въ лучшій міръ, и да будетъ наша молитва объ упокоеніи душъ ихъ первою нашею данію за ихъ любовь къ намъ, за труды и заботы о насъ.

Дерзну предварить эту молитву краткимъ и слабымъ словомъ, чтобы оживить въ памяти образъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ проносятся въ моемъ сознаніи одинъ за другимъ свѣтлые образы, встаютъ изъ дали прошлаго священныя тѣни усопшихъ, особенно ощутительно-живо въ этихъ стѣнахъ, въ этомъ святомъ храмѣ.

И впереди всѣхъ особенно ярко выступаютъ величавые и по внѣшности, но еще болѣе привлекательные по нравственному облику, два свѣтолѣпныхъ старца—протоіерея Николай Андреевичъ Тихвинскій и Николай Аванасьевичъ Варскій,—наши ректоръ и инспекторъ. Я не знаю, который изъ двухъ приковывается къ себѣ больше ваше вниманіе, но въ моихъ воспоминаніяхъ они идутъ оба рядомъ, ровною величественною поступью, идутъ рука объ руку, мирно поддерживая одинъ другого. На лицѣ одного свѣтится ясная, ласкающая улыбка, другой—по виду серьезень и строгъ, но мы знаемъ, что онъ насъ любитъ не меньше перваго и строгъ только по видимости, для нашего блага, ибо при любви и даже во имя любви въ его положеніи должна быть справедливая требовательность—душа всякой стройности, гармоніи и порядка.

Первый—о. ректоръ Н. А. Тихвинскій—человѣкъ съ врожденнымъ благородствомъ души, кроткій и добрый, въ обращеніи со всѣми мягкій и пріятливый, никогда никого не озлобившій и не обидѣвшій, отъ себя не оттолкнувшій, ни въ комъ не вызвавшій раздраженія и злопамятства. Таково было общее уваженіе къ нему и старшихъ—учителей и младшихъ—учениковъ, что никто, кажется мнѣ, не осмѣлился заподозрить чистоту его намѣреній, святость его стремленій, правоту и законность его дѣйствій. Всѣ уважали его и въ этомъ уваженіи не столько подчинялись ему, сколько охотно и радостно преклонялись предъ нимъ. До старости онъ остался вѣренъ своимъ юношескимъ идеаламъ, а потому рѣшительно неспособенъ былъ на какія-либо сдѣлки съ своей совѣстью, не умѣлъ мириться съ компромиссами жизни, сторонился мелкихъ, корыстныхъ и эгоистическихъ цѣлей, терпя отъ этого лишенія во внѣшнемъ благоустроеніи своей жизни. Безупречно честный и благородный, совершенно недоступный какому-либо злымъ замысламъ и пожеланіямъ, о. Николай Андреевичъ въ многолѣтнемъ служеніи своемъ всегда оставался представителемъ и образцомъ стройной нравственной красоты и во весь не малый жизненный путь свой сберегъ прозрачную чистоту смиренномудрой и незлобивой души своей, стяжавъ себѣ общую признательность и молитвы.

Другой благолѣпный старецъ, нашъ о. инспекторъ Николай Аванасьевичъ Барскій, былъ типичнѣйшимъ инспекторомъ. Онъ какъ будто рожденъ былъ для этой должности и природа надѣлила его для инспекторства и строгимъ видомъ и внушительнымъ, пронизывающимъ голосомъ, которымъ онъ такъ настойчиво—умѣло «распекалъ» и «отчитывалъ» провинившихся. Всегда и во всемъ сдержанный, строго уравновѣшенный, онъ руководился въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ не личностями, не минутнымъ раздраженіемъ отъ проступка, а глубокою справедливостію, за что еще предшественники наши называли его «justus». Самъ онъ былъ строгимъ исполнителемъ закона и устава, даже до мелочей, до педантизма, но это и было главною силою и мощнымъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ инспектора. Честность и исполнительность его самымъ рѣшительнымъ образомъ отражались на нашей ученической семьѣ. Понятіе «долга» было для нашего инспектора руководствомъ и знаменемъ, въ рукахъ съ которымъ и самъ онъ являлся какъ-бы воплощенною совѣстію и правдою семинарской семьи, съ которыми можно было сличать

каждому ея члену свои поступки. Оттого и высокъ былъ его нравственный авторитетъ, оттого фигура его вырисовывалась такою цѣлостною, вполне опредѣленною, вылитую какъ-бы изъ металла. Подъ нею можно было подписать только: инспекторъ духовной семинаріи, безъ имени и фамиліи, и поставить эту фигуру во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ того времени, какъ достойный изученія и подражанія образецъ. Мы уже не знали его въ роли ректора, но думается, что онъ уже проигралъ въ ней, ибо былъ рожденъ и нравственно сформированъ именно для инспекторства. Мы называли его въ шутку «дѣдомъ», иногда, въ минуты—послѣ его «натацій»—«дѣдомъ», обозначая этимъ терминомъ духъ и характеръ его отношеній къ намъ, какъ заботливаго о насъ, своихъ внучатахъ, попечителя-старца.

Однажды, спустя немало лѣтъ по окончаніи семинаріи, мнѣ пришлось услышать отъ бывшаго о. инспектора вопросъ, лично ко мнѣ обращенный: «за что вы-то мнѣ признательны? вѣдь по отношенію къ вамъ я былъ требователенъ и строгъ, нерѣдко бранилъ и даже, помню, наказывалъ васъ?» Искренне, мнѣ кажется, отвѣтилъ я, сказавъ ему, что тотъ, кто больше испытывалъ на себѣ его требовательность и строгость, долженъ больше цѣнить и уважать его, ибо такой лучше понялъ ту пользу, какую онъ оказывалъ намъ, сдерживая наши юношескіе порывы, часто неразумные и смѣлые.

За этими двумя фигурами начальниковъ шествуютъ въ воспоминаніяхъ ихъ достойные сподвижники, наши учителя.

Василій Павловичъ Голубковъ (скончавшійся инспекторомъ)—преподаватель трудолюбивый и усердный, не терявшій и одной минуты на урокъ (церковной исторіи) даромъ, умѣвшій заставить насъ полюбить и внимательно изучать предметъ, который преподавалъ онъ.

Гаврилъ Николаевичъ Преображенскій—душа честная, простая, натура открытая, широкая, чисто-русская, столь симпатичная во всякомъ обществѣ. Нельзя было не полюбить его тому, кому удалось поближе сойтись съ нимъ. Будучи человѣкомъ со-держательной души, онъ имѣлъ любовь къ писательству въ своей специальной области (гражданская и особенно русская исторія) и нѣкоторыя книжки, имъ составленныя, справедливо считаются достойными вниманія. Какъ преподаватель, онъ имѣлъ драгоценное свойство, заключающееся въ сознаніи, что быть преподавателемъ—значитъ имѣть дѣло съ живыми душами, и только вкла-

дывая въ преподаваніе свою собственную душу, преподаватель можетъ просвѣщать своихъ учениковъ и вліять на нихъ. Поэтому, кромѣ знанія своего предмета, въ преподавателѣ нуженъ и важенъ *человѣкъ*, съ его внутреннимъ міромъ. Г. Н—чъ и былъ хорошимъ преподавателемъ, потому что былъ прекраснымъ человекомъ. Онъ имѣлъ въ нашемъ курсѣ двухъ племянниковъ, но всё мы звали его «дядей» («дядя Гаврило»), свидѣтельствуя тѣмъ о простотѣ и близости нашихъ съ нимъ взаимныхъ отношеній.

Василій Дмитріевичъ Архангельскій, умѣвший и на урокахъ латинскаго языка будить въ насъ живую мысль, а иногда, въ удобныхъ случаяхъ, по поводу перевода какого-нибудь мѣста изъ Цицерона или Сенеки, обращавшій свой урокъ латинскаго языка въ блестящую лекцію по философіи.

Николай Николаевичъ Корсунскій—натура порывистая и стремительная, всегда несущаяся куда-то въ высь, къ идеальному, небесному,—натура, которой какъ-будто тѣсно было вращаться только въ греческихъ аористахъ или переводахъ съ греческаго на русскій, и потому Н. Н—чъ отводилъ свою душу въ бесѣдахъ съ нами о матеріяхъ высшихъ, въ «рѣчахъ изъ учебной практики», гдѣ стремился показать намъ идеальное въ наукѣ и жизни.

Помянемъ добрымъ словомъ и молитвой остроумнаго о. Алексѣя Ильича Яновскаго, терпѣливаго о. Евлампія Фавстовича Ковалева, аккуратнѣйшаго Константина Арсеньевича Торопова и добродушнаго Василя Павловича Поройкова. Да будетъ всёмъ имъ вѣчная память!

И изъ нашихъ товарищескихъ рядовъ земныхъ выбыли: о. Александръ Николаевичъ Алексинскій, добрый пастырь, стяжавшій себѣ искренняю любовь въ Угличѣ, гдѣ онъ священствовалъ, оплаканный всіми горожанами; о. Ипполитъ Кронидовичъ Казанскій, о. Василій Ѳеодоровичъ Казанскій, о. Аркадій Константиновичъ Барковскій, о. Валеріанъ Николаевичъ Розовъ и Николай Дмитріевичъ Голосовъ.

Горько сознавать, что почившихъ нѣтъ съ нами, что они не могутъ раздѣлить нашу радость. Но вѣдь и вся жизнь человека съ извѣстной точки зрѣнія есть непрерывный рядъ утратъ, потери дорогихъ и близкихъ людей. Примиряетъ и утѣшаетъ насъ при воспоминаніяхъ о почившихъ дорогихъ начальникахъ, наставникахъ и товарищахъ вѣщее слово поэта, которое такъ приложимо здѣсь:

«О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутвіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: «ихъ нѣтъ»,
Но съ благодарностію: «были!» *(Жуковскій).*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Послѣ двадцатилѣтней разлуки.

(Воспоминанія участника).

(Окончаніе).

Литургія закончилась молебномъ небесному покровителю Ярославской семинаріи, святителю Димитрію. Послѣ богослуженія фотографія запечатлѣла всѣхъ участниковъ торжества. Потомъ всѣ отправились въ Спасскій монастырь—принять благословеніе маститаго старца, пребывавшаго на покоѣ († 17 ноября того-же 1906 года), архіепископа Іонаана, въ долготѣнее служеніе котораго Ярославской паствѣ состоялся нашъ выпускъ изъ семинаріи. Девяностолѣтній слѣпецъ—архіепископъ обласкалъ насъ, при представленіи ему съ обозначеніемъ мѣста и рода службы каждаго почти всѣхъ припомнилъ, бесѣдовалъ о тяжеломъ времени, переживавшемся тогда нашимъ отечествомъ, при чемъ особенно подчеркнулъ ту мысль, что священники должны избѣгать такъ всѣхъ нынѣ одолѣвшаго «политиканства», но вѣрно и честно служить православной Церкви, Царю и Отечеству—ихъ священный долгъ и напрасно говорятъ, что исполнять этотъ долгъ значитъ вмѣшиваться въ политику. Очень тронуть былъ старецъ, когда одинъ изъ участниковъ съѣзда напомнилъ ему содержаніе сердечной напутственной рѣчи, произнесенной имъ на послѣднемъ экзаменѣ выпуска: «Послѣ Господа Бога, говорилъ тогда архипастырь, Котораго благодарите прежде всего за успѣшное окончаніе курса, земно поклонитесь вашимъ родителямъ, когда явитесь домой. Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ отдавали послѣдніе гроши на ваше воспитаніе, себѣ отказывали въ необходимомъ, чтобы довести васъ до окончанія курса. Берегите книги, по которымъ вы учились, и припоминайте тѣ радости, какія вы переживали, когда узнавали изъ нихъ новое и полезное, и тѣ слезы, которыя иногда проливали надъ ними, преодолевая тѣ трудности, какія сопряжены были съ усвоеніемъ мудренаго, но необходимаго для васъ»... и т. д. Носящимъ священный санъ владыка подарилъ по служебнику, а свѣтскимъ—по молитвеннику и всѣмъ по своему литографированному портрету.

Изъ Спасскаго монастыря нашъ путь лежалъ на Тугову гору, гдѣ около дорогихъ могилъ снова собрался нашъ товарищескій кружокъ. Тихое мѣсто упокоенія почившихъ тружениковъ,

задушевное служеніе товарища, сельскаго священника—академиста Н. В. Вознесенскаго будили теплыя воспоминанія и невольно вызывали на глаза слезу умиленія. На Туговой горѣ мы помолились на могилахъ: о. Н. А. Тихвинскаго, Г. Н. Преображенскаго, К. А. Торопова, Н. Н. Корсунскаго, о. Н. П. Розова, а товарищи-ростовцы на могилахъ своего смотрителя, прот. П. П. Фивейскаго, ярославцы—своего смотрителя, П. И. Бенедиктова.

Съ Туговой горы мы направились на другое Ярославское кладбище, Леонтіевское, гдѣ также помолились на могилахъ своихъ бывшихъ наставниковъ: о. Н. А. Барскаго, о. Е. Ф. Ковалева и В. Д. Архангельскаго. Всѣ эти могилы вмѣстѣ и образуютъ, такъ сказать, преподавательскій уголокъ, въ которомъ свящ. І. І. Рудинскій и отслужилъ литію. Посѣтивъ товарища, священствовавшего тогда на кладбищѣ, о. П. И. Федоровскаго и напившись въ разведенномъ имъ при устроенной имъ-же церковно-приходской школѣ цвѣтничкѣ чаю, мы поспѣшили въ семинарскую столовую, на устроенную по подпискѣ скромную трапезу, пригласивъ на нее и хозяина семинаріи, о. ректора семинарій, прот. Н. А. Дороватовскаго. Задушевная бесѣда прерывалась чтеніемъ присланныхъ привѣтствій, тостами за родную семинарію, за бывшихъ нашихъ, и присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ, наставниковъ, за товарищей, за о. ректора и корпорацію семинаріи.

Первый тостъ произнесъ первенецъ курса, преподаватель Литовской духовной семинаріи, Н. А. Предтечевскій. Онъ вспомнилъ то время, когда всѣ собравшіеся жили общею единодушною жизнію, поблагодарилъ собравшихся за сочувственное отношеніе къ предложенію снова свидѣться, ободрялъ въ несеніи нелегкаго жизненнаго креста, выпавшаго на долю большинства изъ товарищей, особенно—сельскихъ священниковъ, составляющихъ большинство курса, и заключилъ пожеланіемъ многолѣтія всѣмъ собравшимся и отсутствующимъ товарищамъ.

Затѣмъ обратился къ собранію преподаватель Рязанской духовной семинаріи, магистръ богословія Д. Г. Наумовъ съ слѣдующими словами:

Дорогіе товарищи!

«Позвольте мнѣ утомить Ваше вниманіе, изложить мысли и чувства, одушевляющія меня при видѣ настоящаго товарищескаго собранія. «Связуемые союзомъ любви», съѣхались мы сюда черезъ 20 лѣтъ по окончаніи курса, вспоминали школьную жизнь,

нашихъ наставниковъ, наши юношескія проказы (о чемъ подробно сказалъ Николай Александровичъ Предтечевскій), словомъ предъ нашими взорами пролетѣла юность, полная неизъяснимой прелести... Переживая вновь минувшее, я невольно перенесся мыслями къ злободневнымъ сужденіямъ о нашей духовной школѣ. Въ печати и обществѣ принято теперь только всячески поносить ее. Что такое современная школа вообще и духовная въ частности? Учащіе и учащіеся,—говорятъ,—это «два враждебныхъ лагеря», это «опахи и команчи», ведущіе непрерывную войну. Всѣ преподаватели,—повторяютъ неоднократно,—это «чиновники бюрократы», которые душатъ все живое и оригинальное. Съ ними заповѣдуется вести борьбу, чтобы «обрѣсти свои права».—Я не буду очень хвалить духовную школу хотя-бы нашего времени (20—25 л. тому назадъ). Скажутъ тогда: пожившіе люди всегда вѣдь ищутъ идеаловъ въ прошломъ. Не буду отрицать духовную школу и въ ея современномъ состояніи. Безспорно, при имѣющихся въ ней и хорошихъ сторонахъ она нуждается въ обновленіи. Тѣмъ не менѣе во имя справедливости и безпристрастія всегда буду утверждать, что въ наше время не было принципиальной вражды и недоверія къ школѣ.

Отношенія учащихся къ наставникамъ тогда были и проще, и естественнѣе, чѣмъ теперь, а въ этомъ смыслѣ и лучше. Мы, конечно, иногда обманывали преподавателей, по юношеской рѣзвости раздражали ихъ, по легкомыслію ругали, но все-таки мы цѣнили пользу, приносимую ими, уважали ихъ, если и не всегда любили. «Наставникамъ, хранившимъ юность нашу, не помня зла, за благо воздадимъ» (изъ лиц. стих. Пушкина). Такая тема была предложена по литературѣ нашимъ глубокоуважаемымъ наставникомъ. Этотъ завѣтъ великаго поэта мы исполняли, сознавая, что преподаватели желаютъ намъ только добра, хотя по свойственной человѣку слабости могутъ и раздражаться, и поступать иногда несправедливо.—Про товарищескія отношенія скажу, что въ наше время они были какъ-то тѣснѣе и прочнѣе, чѣмъ теперь. О живости и дѣйственности товарищескаго духа свидѣтельствуетъ настоящее собраніе въ родной семинаріи, куда мы сошлись, какъ-бы соединенные невидимыми связями. Между тѣмъ въ современной школѣ политика, мѣшая правильному ходу учебныхъ занятій, отравила и товарищескія отношенія. Здѣсь мы видимъ раздѣленіе на партіи, видимъ систему угрозъ и даже физическаго воздѣйствія на несогласныхъ. Это уже не то, что

мелкія ссоры, которыя не разрываютъ въ конецъ товарищескихъ связей. Конечно, и въ наше время интересовались политически-ми вопросами, но тогда политика была какъ-бы внѣ школы, а не внутри ея.—Обмѣнъ мыслей съ товарищами привелъ меня къ слѣдующему пріятному заключенію. Говорятъ, что куда бы ни собрались священники, они начинаютъ разсуждать о доходахъ, т. е. о «поповскихъ», а не «пастырскихъ» вопросахъ. Я утверждаю, что это—ложь. Вотъ уже почти два дня я нахожусь въ обществѣ своихъ сотоварищей-священниковъ и бесѣды у насъ велись, кромѣ школьныхъ воспоминаній, на злободневные церковно-общественные вопросы. Я горжусь своими товарищами, у которыхъ среди житейской суеты не заглохли идеальныя запросы. Поднимаю тостъ за здоровье и счастье дорогихъ товарищей съ ихъ семьями. Въ особенности считаю долгомъ отъ лица всѣхъ участниковъ выразить глубокую благодарность о. Павлу Николаевичу Лахостскому и о. Петру Ильичу Федоровскому—иниціаторамъ, вдохновителямъ и устроителямъ этого товарищескаго собранія. Большое спасибо имъ за понесенные труды!»

Прот. Лахостскій обратился къ присутствовавшему на обѣдѣ о. Н. А. Крутикову съ слѣдующими (приблизительно) словами:

Дорогой о. Николай Андреевич!

«При нашемъ корпоративномъ общеніи съ Вами мысль невольно уходитъ въ дорогія воспоминанія о дорогой порѣ нашей золотой юности, отдѣленной отъ настоящаго двадцатилѣтнею давностью, и прежде всего останавливается на тѣхъ счастливыхъ, незабвенныхъ минутахъ нашего прощанія при разлукѣ съ дорогой семинаріей, которое по своей необычайности было, кажется, единственнымъ, неповторяемымъ, а это необычное прощаніе устроилось благодаря главнымъ образомъ Вамъ, Вашей широкой и тонко-отзывчивой на идеальныя порывы юности, душѣ. По живому интересу къ нашему настроенію, по близкому участию къ нашей судьбѣ Вы были для насъ самымъ близкимъ въ тѣ важнѣйшіе дни въ нашей жизни человѣкомъ. Напутственныя молитвы, благословенія и благожеланія нашей матери, семинаріи, выпускавшей насъ въ жизнь, для многихъ изъ насъ уже самостоятельную, Вы приняли на себя, какъ любящій насъ отецъ, которому мать и вручила эти заботы въ полной увѣренности въ его сердечной любви къ намъ. Незабвенны эти минуты, а потому незабвенны и Вы, ихъ намъ создавшій!»

Лично отъ себя, а навѣрно и отъ лица всѣхъ здѣсь присутствующихъ, я выражаю глубокое сожалѣніе о томъ, что ни въ день Вашего 25-тилѣтняго юбилея служенія семинаріи, ни при Вашемъ оставленіи службы въ ней мы не имѣли возможности выразить Вамъ чувства своей искренней благодарности, какъ прекрасному учителю, рѣдкостному педагогу—артисту. Едва-ли найдеть кто-нибудь основанія заподозрить говорящаго Вамъ въ лести или преувеличеніи, если онъ скажетъ, что изъ плеяды славныхъ, талантливыхъ нашихъ наставниковъ Вы были славнѣйшимъ. Давать общую характеристику Вашего преподавательства я не собираюсь, да здѣсь и неумѣстно, но я скажу только ту правду о Вашемъ вліяніи, какое пережилъ самъ и каковому многимъ обязанъ. Ваши живые уроки по теоріи словесности, исторіи русской литературы и логикѣ заставляли всѣхъ учениковъ держать на стражѣ вниманіе къ Вашимъ словамъ ежеминутно, не позволяли задремать мыслию ни на мгновеніе, будили самостоятельность мышленія, поощряли наши слабыя силы въ дѣлѣ творчества. Ваши блестящія характеристики нашихъ классическихъ писателей и оцѣнка ихъ произведеній на урокахъ литературы будили въ насъ художественный вкусъ и манили въ ту возвышенную, идеально-прекрасную область, которая называется художественной литературой. Если нѣкоторые изъ насъ испытывали потомъ наслажденіе, читая, дѣлая выписки, даже изучая такихъ коринеевъ изъ этой области, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и другіе, не входившіе въ наши программы, то это было лишь потому, что Вы показали намъ въ истинномъ свѣтѣ эту прекрасную область, расширявшую нашъ умственный кругозоръ и обогащавшую насъ духовнымъ содержаніемъ не менѣе, чѣмъ изученіе любой науки.

Вы были строги и требовательны къ ученикамъ, — говорило о Васъ ходячее сужденіе. Но вѣдь въ то время господствовали еще тѣ вкусы и порядки, къ сожалѣнію—изгоняемые теперь, при которыхъ ученики хорошо понимали ту простую истину, что учитель, строгій къ себѣ, какъ учитель, не можетъ не быть требовательнымъ и къ ученикамъ, иначе любовь его къ дѣлу, а съ нею и труды пропадутъ больше, чѣмъ на половину, даромъ. То было время, когда ученики больше, гораздо больше обращали свое вниманіе на свои обязанности, чѣмъ предъявляли права, больше склонны были исполнять предъявляемыя къ нимъ требо-

ванія, чѣмъ заявляютъ свои, помня ту мудрую пословицу, что яицамъ неумно учить курицу.

Очень рады, дорогой Николай Андреевичъ, видѣть Васъ въ своей средѣ здравствующимъ и бодрымъ. Надѣмся такимъ-же встрѣтить Васъ на предполагаемомъ нашемъ товарищескомъ собраніи по истеченіи двадцатипятилѣтія съ окончанія нами курса семинаріи и тогда, какъ и теперь, искренне пожелать Вамъ еще много лѣтъ здравствовать и благоденствовать!»

Николай Андреевичъ отвѣчалъ краткимъ, сердечнымъ словомъ благодарности.

Снова поднялся Д. Г. Наумовъ и произнесъ тостъ за отсутствующихъ наставниковъ курса въ слѣдующихъ словахъ:

«О. Павелъ Николаевичъ Лахостскій подробно изобразилъ, какое благотворное вліяніе имѣлъ на наше умственное развитіе присутствующій здѣсь достоуважаемый протоіерей Николай Андреевичъ Крутиковъ. Вспомнимъ добрымъ словомъ о другихъ наставникахъ, здравствующихъ донинѣ, но, къ сожалѣнію, не имѣвшихъ возможности раздѣлить нашу товарищескую трапезу. Вотъ, напр., два ветерана нашей семинаріи—глубокоуважаемые Иванъ Ивановичъ Никольскій и Александръ Михайловичъ Сменцевскій, преподаватели древнихъ языковъ. Мы теперь переживаемъ время упадка классическихъ языковъ. Говорятъ, что они и бесполезны, и составляютъ тяжелое бремя для учащихся. Мы въ свое время не тяготились древними языками, исполняя предъявляемыя къ намъ разумныя требованія. Разумѣется, здѣсь дѣйствовала главнымъ образомъ обаятельная личность наставниковъ, обращеніе которыхъ съ нами было терпѣливо-нисходительное,—не ошибусь, если назову его отеческимъ. Добродушнѣйшій Иванъ Ивановичъ иногда въ младшихъ классахъ называлъ провинившихся болванами. Но здѣсь не было намѣренія унижить личность ученика, что такъ возмущаетъ пылкое юношество. А благодушнѣйшій Александръ Михайловичъ, въ самой фигурѣ котораго чувствовалось что-то умиротворяющее, кажется—и вовсе не раздражался. Онъ обезоруживалъ нарушителей классной дисциплины словами, полными ласковаго укора: «ну, полно, братъ» (слѣдуетъ далѣе названіе проступка).—Говорятъ, что теперь трудно воспитывать юношество. Спасительный страхъ исчезъ въ отношеніяхъ учащихся къ начальствующимъ и учителямъ, такъ что необходимо дѣйствовать главнымъ образомъ силою разумнаго убѣжденія. Согласенъ, что при бурномъ настроеніи юношей, при развитомъ самосознаніи ихъ дѣло воспитанія

теперь труднѣе, чѣмъ въ наше время. Скажу однако, что и въ наше время были личности, которыя вліяли на питомцевъ школы не страхомъ только, но и силою убѣжденія.

Вотъ напр. достопочтеннѣйшій протоіерей Николай Михайловичъ Астровъ, какъ воспитатель семинаріи, съ большимъ тактомъ и достоинствомъ умѣлъ разбираться въ сложныхъ дѣлахъ педагогической практики. Бывало, долго онъ ходитъ по корридолу семинарскаго корпуса съ провинившимся, всячески урезониваетъ его, пока не доводитъ до сознанія въ его проступкѣ. Поднимаю тостъ за здоровье всѣхъ отсутствующихъ нашихъ наставниковъ съ пожеланіемъ имъ долгихъ лѣтъ!»

Говорились и еще краткіе тосты. О. ректоръ, прот. Н. А. Дороватовскій выразилъ удовольствіе по поводу всего имъ видѣннаго и слышаннаго на собраніи, свидѣтельствующаго, какъ объ единодушій собравшихся, такъ и объ ихъ признательной любви къ своей almae matris—семинаріи и высказалъ пожеланіе, чтобы въ современныхъ воспитанникахъ развивались и укрѣплялись эти чувства.

Долго затянулась товарищеская бесѣда и закончилась добрымъ дѣломъ. Собравшіеся рѣшили ознаменовать двадцатилѣтіе современи окончанія курса семинаріи учрежденіемъ въ ней стипендіи имени курса, начало сбора на которую и было положено тутъ-же (собрано 205 руб.). Рѣшено пополнять эту сумму ежегодными взносами (въ іюнѣ—іюлѣ), не менѣе двухъ рублей съ человѣка. Дай Богъ, чтобы энергія и готовность собрать капиталъ, необходимый для стипендіи, не ослабѣвали, чтобы это доброе дѣло было доведено до конца и стало вѣчнымъ памятникомъ нашего товарищескаго единенія, солидарности и отзывчивости. Съ цѣлью (между прочимъ) подогрѣть эти чувства въ душахъ тѣхъ, кто ихъ высказывалъ, напомнить объ нихъ тѣмъ, кто ихъ забылъ, и оповѣстить еще разъ не присутствовавшихъ на собраніи товарищей, написаны эти строки и предаются тисненію, въ надеждѣ, что каждый, къ кому они относятся, вспомнитъ о лежащемъ на немъ нравственномъ долгѣ, если онъ еще не выполненъ.

Дорогіе друзья—товарищи! Всѣмъ вѣдомо тяжелое матеріальное положеніе сельскаго священника, какихъ вышло изъ насъ большинство, но вѣдь и минимальная сумма взноса назначена не велика, а она, вносимая исправно, будетъ двигать доброе дѣло впередъ!

Протоіерей П. Лажостскій.